

Фольклористика как музыкально-историческая дисциплина

Интерес к русскому песенному фольклору оформлялся в научную дисциплину на протяжении столетия в активном взаимодействии художественных, общественных интересов, порой с активными импульсами государственно-политического порядка. Исторические процессы были естественным полем, в котором складывались представления о народных песнях, по мере того, как из привычного и любимого языка сердца они к концу XVIII становились предметом философского и эстетического интереса. Первые высказывания на эту тему очерчивают именно исторические границы. Вступительная к «Собранию народных русских песен» статья Н. А. Львова «О русском народном пении» [5]¹ указывает «рамочные» позиции: с одной стороны, происхождение русской песни возводится к почтенной древности, сопоставимой с древнегреческим искусством; с другой — они призваны послужить источником вдохновения для будущих «Гайденов, Плеилей, Даво и самих сочинителей опер» (цит. по: [8, 78]). Заметим, что самые песни систематизируются и рассматриваются в движении времени: старые протяжные, «суть самые характеристические», противопоставляются вновь сочиняемым; среди плясовых различия старых и новых не существенно; обрядовые песни трактуются как неподвластные изменениям. Таким образом, корпус песенного фольклора предстает динамичным целым.

Неполный век прошел со времени публикации этого пролога к фольклористике, и А. Н. Серов, обозначая свойства будущей науки о народной песне [11]² (она должна развиваться в непосредственном взаимодействии с физиологией, антропологией, этнографией, филологией), еще безымянной, по сути, остается в тех же границах рассуждений. Характерна метафора, проскользнувшая в запятых, «музыкальная эмбриология» — то есть народная песня есть продукт естественного развития и питания для национальной композиторской школы. Вместо описания групп песен А. Н. Серов в качестве основного предмета разбирает звукоязыдную структуру: в соответствии с академическими представлениями — это основа основ, атомарный уровень музыки, из которого должны следовать ее особые свойства.

Поражает стремительность, с которой развернулся первый круг становления науки: между призывом В. Ф. Одоевского собирать, точно записывать напевы (они суть народная святыня) с тем, чтобы вывести из них самих теорию [6]³, и монографией П. П. Сокальского [12] — чуть больше двух десятилетий. Уже не звукоязыдная (с запрещением вводного тона), не сравнение достоинств гармонизации — разнообразие

«русской народной музыки» как следствие ее полистадиальности является организующим принципом исследования. Последующие поколения фольклористов не поддержали эту идею, эпохи кварты, квинты, терции вызвали недоумение и списывались на малый объем данных, которыми располагал Сокальский.

В последней четверти XIX века наступает время бурного наращивания материала. Его приносят специальные экспедиции и частные инициативы; открываются целые пласты культуры — эпос и причитания, «неведомые» для фольклористики земли, северные и западные. Наступает расцвет научных публикаций и все выше поднимается планка достоверности в передаче на письме устного текста. Механическая запись, «фоноскоп» реального момента жизни песни становится главной единицей в приращении знаний о фольклоре. Умножаются центробежные стремления, конкретные задачи; решение проблем вырастает в целые направления (многоголосие, звуковой идеал традиции, музыкальная драматургия обряда, выявление песенного типа, текстология, и т. д.). Корпус русского фольклора как целое отступает, представление о нем истончается; локальные песенные традиции (песенные школы) как этнографическая реальность определяют объем и глубину исследовательских интересов. Однако вне «четвертой координаты» не понять их взаимоотношений: локальные традиции разворачиваются в историческом аспекте (диахронии), предстают как проекция «истории на географию». Другой образ-метафора — соотношение их подобно личностям композиторов, без которых невозможно представить себе историю музыки⁴.

Осмысление фольклора как целого, живого, взаимодействующего всеми своими звеньями процесса необходимо как общий фундамент успешно разрабатываемых методик. По-видимому, фольклористике предстоит перемена парадигмы, которая позволит заново осознать целое — не только организованный многими и различными связями корпус песенного фольклора, но, главным образом, фольклор как процесс, как жизнь языка, постепенное становление мышления, созревание и преобразование форм.

В сфере педагогики высшей школы это тем более важно: соотношение классификационных разрядов, видов и родов фольклора действительно, если они предстают в качестве «возрастов» фольклора, сменяющих друг друга стадий его жизни. (Пережив период активного бытования, они могут долго сохраняться параллельно со вновь складывающимися явлениями, в соответствии со спецификой традиционной культуры). Эта логическая основа позволяет дать историческую

¹ С небольшими купюрами вошла в подготовленную П. А. Вульфисом хрестоматию [8, 74–78].

² Основные положения были прежде проверены в цикле публичных лекций для Бесплатной музыкальной школы [10] и высказаны в статье об особенной русской педагогике [9].

³ С некоторыми сокращениями включена в хрестоматию [8, 91].

⁴ «Любая областная песенная традиция должна расцениваться как творчество крупнейшего и талантливейшего композитора <...>. Народная песня в целом складывается из суммы таких областных песенных традиций, так же как, например, русская музыка в целом складывается из творчества таких авторов, как, скажем, Глинка, Чайковский, Мусоргский и другие» [7, 11].

глубину истолкованию текста. Такую трудную задачу фольклористы редко ставят перед собой. Тем более уместно вспомнить «У истоков лирической песни» П. А. Вульфуса [2; 3] — в объеме статьи, на малом объеме материала он разворачивает проблематику формообразования, исторического стиля, становления лирики как вида.

«Внешняя» история, соотношение с вехами политических событий, свидетельствами археологии и литературы, изучение этнографической реальности — необходимые сотрудники музыкальной фольклористики (каким бы именем мы не называли эту науку). Но

собственная ее задача, не доступная этнографам, филологам, не решаемая только описанием обрядовых практик и их кодов, умножением числа сходных и родственных текстов — это жизнь языка. То есть внутренняя, собственная история фольклора. «Историческая морфология», «историческая поэтика»⁵ — эти классические названия, по-видимому, войдут в область науки, предмет которой столь тщательно и любовно определяется в масштабах архивов, продолжает свое бытие в иных формах музицирования и, надо надеяться, прочно ляжет в основание национальной педагогики.

⁵ Почтенное наследие филологии, в музыкальной фольклористике они появляются почти как метафоры. Таков подзаголовок сборника статей в честь 60-летия И. И. Земцовского [4] и название статьи [1].

Список литературы

1. **Васильева Е. Е., Лапин В. А.** Историческая поэтика: музыкальный язык фольклора как процесс // Морфология праздника. — СПб: Пропповский центр, 2002. — С. 34–50.

2. **Вульфус П. А.** У истоков лирической народной песни // **Вульфус П. А.** Статьи. Воспоминания. Публицистика. — Л.: Музыка, 1980. — С. 101–124.

3. *То же* (первая публикация с сокращениями) // Вопросы теории и эстетики музыки. Вып. 1. — Л., 1962. — С. 148–168.

4. Искусство устной традиции. Историческая морфология: Сб. ст., посвящ. 60-летию И. И. Земцовского / М-во культуры РФ; РАН, Рос. ин-т истории искусств; отв. ред. и сост. Н. Ю. Альмеева. — СПб: РИИИ, 2002.

5. **Львов Н. А.** О русском народном пении. [Предисловие к изданию 1790 года] // Собрание русских народных песен с их голосами на музыку положил Иван Прач / Под ред. и со вступ. ст. В. М. Беляева. — М.: Музгиз, 1955. — С. 38–43.

6. **Одоевский В. Ф.** Речь на открытии Московской консерватории // Современная летопись (Воскресные прибавления к «Московским ведомостям»), 1866, 4 сентября.

7. **Рубцов Ф. А.** Русские народные песни Смоленской области в записях 1930–1940-х годов / Сост., расшифровка, комм. Ф. А. Рубцова. — Л.: Советский композитор, 1991.

8. Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы / Вступ. статья, сост., коммент. П. А. Вульфуса; предисл. Е. М. Орловой; общ. ред. О. И. Соколовой. — М., 1979.

9. **Серов А. Н.** Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика // **Серов А. Н.** Статьи о музыке / Сост. и ред. В. Н. Протопопова. В 7 выпусках. Вып. 6. — М., 1990. — С. 176–211.

10. **Серов А. Н.** Программа общедоступных лекций о всех главнейших предметах знания музыкального // **Серов А. Н.** Статьи о музыке / Сост. и ред. В. Н. Протопопова. В 7 выпусках. Вып. 6. — М., 1990. — С. 228–229.

11. **Серов А. Н.** Русская народная песня как предмет науки // Музыкальный сезон, 1870/1871. — № 6, № 13.

12. **Сокальский П. П.** Русская народная музыка, великорусская и малорусская, в ее строении мелодическом и ритмическом и отличия ее от основ современной гармонии. — Харьков, 1888.

Ирина ТЕПЛОВА

Сборники обработок народных песен: аспекты музыковедения и этномузыкологии*

Творческий путь каждого из плеяды больших ученых, ярких педагогов, памяти которых посвящена конференция, — это урок включенности и погружения в очень широкий круг проблем музыкознания¹. Символична инициатива П. А. Вульфуса, поддержанная в конце 1960-х годов кафедрой истории музыки, о создании сборника документов, свидетельствующих об этапах становления научной мысли о фольклоре. Вышедшая уже спустя два года после кончины Павла Александровича «Русская мысль о музыкальном фольклоре: материалы и документы» [11] вобрала в себя редкие, малодоступные, вместе с тем, ключевые материалы о народной музыкальной культуре.

Обращение Павла Александровича к фольклору — это не только дань жизненным обстоятельствам. За этим стоит потребность и способность к системному, историческому видению явлений музыкальной культуры, которая особенно отличала это поколение. Предисловие к сборнику материалов и документов принадлежит Е. М. Орловой. Открывают книгу слова, не утратившие и поныне своей актуальности: «Нет такой области в музыкознании, которая в той или иной степени не была бы связана с изучением народного творчества. Без обращения к проблемам фольклора музыковед не может полноценно осветить исторический путь развития профессиональной музыкальной культуры.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта создания информационных систем «Музыкальная фольклористика в Санкт-Петербургской консерватории: 1862–1925 годы (мультимедиа-справочник)», проект № 08-04-12151в.

¹ Мне посчастливилось слушать лекции П. А. Вульфуса по зарубежной музыке (1976–1977 годы).